

Н.К. Котов

П.В. Шубина

Котов Никита Константинович, курсант 2 курса группы 246 факультета систем управления РКК и информационно-технического обеспечения Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург, ул. Ждановская, 13), e-mail: VKA@mil.ru

Шубина Полина Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург ул. Ждановская, 13), e-mail: polinashubina@mail.ru

ЗНАНИЕ КАК ЦЕННОСТЬ В АКСИОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ

В статье рассматривается эволюция понимания знания как ценности в истории философии – от античного созерцательного идеала (Платон, Аристотель) через новоевропейскую инструментальную трактовку (Ф. Бэкон, «знание – сила») к современным вызовам коммерциализации, этической ответственности учёного и феномену постправды. Анализируется проблема Гетье, показавшая недостаточность классического определения знания как «истинного и обоснованного мнения». Обсуждается ценностная нагруженность научного познания и связь науки с системой ценностей общества. Делается вывод, что знание остаётся высшей ценностью цивилизации, но требует постоянной рефлексии и защиты.

Ключевые слова: знание, ценность, аксиология, философия науки, проблема Геттэ, постправда, этика науки, коммерциализация знания, научная рациональность.

N.K. Kotov

P.V. Shubina

Kotov Nikita Konstantinovich, 2nd-year cadet of group 246 of the Faculty of Control Systems for Rocket and Space Complexes and Information-Technical Support of the Mozhaysky Military Space Academy (13, Zhdanovskaya St., St. Petersburg), e-mail: VKA@mil.ru

Shubina Polina Vladimirovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of History and Philosophy of the Mozhaisky Military Space Academy (13, Zhdanovskaya St., St. Petersburg), e-mail: polinashubina@mail.ru

KNOWLEDGE AS A VALUE IN AXIOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

The article examines the evolution of understanding knowledge as a value in the history of philosophy – from the ancient contemplative ideal (Plato, Aristotle) through the modern instrumental interpretation (F. Bacon, «knowledge is power») to contemporary challenges of commercialization, ethical responsibility of scientists and the phenomenon of post-truth. The Gettier problem is analyzed, which demonstrated the inadequacy of the classical definition of knowledge as «justified true belief». The value-laden nature of scientific knowledge and the connection of science with the value system of society are discussed. It is concluded that knowledge remains the highest value of civilization, but requires constant reflection and protection.

Key words: knowledge, value, axiology, philosophy of science, Gettier problem, post-truth, ethics of science, commercialization of knowledge, scientific rationality.

Понятие знания – одно из тех фундаментальных понятий, вокруг которых веками строится философское осмысление того, как человек познаёт мир. Ещё в античности, а конкретно – у Платона, сложилась классическая трактовка: знание – это убеждение, которое одновременно истинно и имеет под собой основания. Иными словами, чтобы считать некое утверждение знанием, нужны три вещи: вера в это утверждение, его объективная истинность и веские доказательства в пользу такой веры [1]. Однако в XX в. и это определение не устояло – появились контрпримеры, заставившие искать новые подходы к определению данного понятия [3].

Почему вообще ценность знания не просто абстрактная тема для философских кабинетов? Потому что от того, как мы понимаем природу знания, зависит, как мы его оцениваем, куда направляем ресурсы на его производство и какое место отводим ему в системе человеческих приоритетов.

Проблема Гетье как раз и показала слабость платоновского подхода. Эдмунд Гетье в 1963 г. предложил ситуации, где у человека есть истинное и обоснованное мнение, но знанием это назвать нельзя [3]. Классический пример: Смит и Джонс претендуют на одну должность. Смит узнаёт от начальника, что у Джонса в кармане 10 монет, и уверен, что именно Джонса возьмут на работу. Он делает вывод: «Тот, кто получит должность, имеет в кармане 10 монет». Но начальник ошибся: берут Смита. Однако Смит случайно сам кладёт в карман 10 монет, не зная об этом. Его вывод оказался истинным, а основания были, но знанием это не стало, просто повезло. Гетье показал разрыв между истиной и знанием, который простым наличием обоснования не заполнить [3]. С тех пор эпистемология пошла по пути поиска «четвёртого условия» – чего-то, что исключало бы подобные случайности.

Цель статьи – проследить, как менялось понимание ценности знания в истории мысли, что происходит с этой ценностью сегодня и как научное знание связано с системой ценностей общества.

Философы всегда по-разному отвечали на вопрос «что значит знать?». Рационалисты (Декарт, Спиноза) настаивали на том, что знание – продукт разума, логики, интеллектуальной интуиции [2]. Эмпирики (Локк, Юм) утверждали обратное: все знания – из чувственного опыта, из ощущений [8]. Кант попытался примирить обе позиции: знание рождается на стыке чувственных данных и априорных категорий, которыми рассудок уже располагает до всякого опыта [9].

Ещё важно различать типы знания. Первый – знание-что (propositional knowledge): знание фактов, утверждений («я знаю, что Москва – столица России»). Второй – знание-как (procedural knowledge): знание способов действия («я знаю, как водить машину»). Третий – знание-знакомство (knowledge by acquaintance): знание, добытое через личный опыт («я знаю, какой на вкус этот напиток») [4].

Научное знание – это особая, строгая форма. Его отличают от обыденного, религиозного или художественного знания такие черты, как системность, объективность, проверяемость на опыте, рациональная обоснованность и интерсубъективность (то есть возможность проверки любым компетентным исследователем) [5].

В.А. Лекторский в своей работе «Эпистемология классическая и неклассическая» отмечает: сегодня теория познания уже не может жить старой триадой «истина – обоснование – вера». Появились новые интерпретации: знание как социальный конструкт, как результат коммуникации, как личностное переживание [4]. Эпистемологи всё чаще говорят о «ценностно нагруженном» знании: любой познавательный процесс включает ценностные предпосылки – от выбора темы до интерпретации результатов.

Тема знания как высшего блага проходит через всю историю философии. Аристотель начинал свою «Метафизику» со знаменитой фразы: «Все люди от природы стремятся к знанию» [6]. Для древних греков познание было путём к вечным идеям, к высшему благу, а значит, и к

добродетельной жизни. Платон в «Государстве» сравнивал познание с выходом из пещеры на солнечный свет: знание освобождает от оков невежества [1].

В Новое время Фрэнсис Бэкон сказал иначе: знание – сила. *Scientia potentia est* – знание способно преобразовать природу и улучшать жизнь людей [7]. Это уже не созерцательный идеал, а деятельностный: мы познаём природу, чтобы подчинить её человеку. Бэконовский поворот знаменовал рождение науки Нового времени: знание перестало быть элитарным достоянием философов и превратилось в инструмент преобразования мира.

Эпоха Просвещения (Вольтер, Кант, Дидро) возвела разум и знание в культ. «Имей мужество пользоваться собственным умом!» – призывал Кант [9]. Знание стало оружием против невежества, суеверий и тирании, путём к социальному и моральному прогрессу. Просветители искренне верили: достаточно распространить знания, и человечество автоматически станет счастливее.

Итак, веками знание считали благом по трём причинам: как теоретическую ценность (постижение истины), как практическую (технологический прогресс) и как этическую (основа мудрости и свободы) [10]. Но уже в XIX в. появились голоса сомневающих. Ницше, например, критиковал «переизбыток знания», по его мнению, он парализует волю и способность действовать.

Сегодня, в эпоху цифры, со статусом знания происходит нечто странное.

Ценность объективности знания оказалась под вопросом. С одной стороны, наука по-прежнему стремится к объективной истине. С другой – постпозитивисты (Кун, Фейерабенд) показали: наука не просто накапливает факты, это социальный процесс, где правят смены парадигм и внутринаучные конвенции [11]. В публичном пространстве расцвела «постправда»: люди всё чаще верят не фактам, а историям, которые вызывают у них определённые эмоции.

Нравственный аспект познания стал острее, чем когда-либо. Процесс познания несёт моральную ответственность по крайней мере в трёх смыслах [12].

Ответственность за последствия: учёный обязан думать, как применять его открытия. Генная инженерия, ядерная физика, искусственный интеллект – это всё палка о двух концах. Г. Йонас в «Принципе ответственности» предупреждал: современная техника настолько могущественна, что её непродуманное применение может обернуться катастрофой [12].

Этика исследований: честность, недопустимость фальсификаций, уважение к испытуемым, открытость диалога. Плагиат и подтасовка данных подрывают доверие к науке как институту.

Ценностная нагруженность знания: выбор темы, интерпретация данных – всё это зависит от ценностей и культурного контекста исследователя. Дискуссия о редактировании генома человека – яркий пример: учёные умеют это делать, но стоит ли? – вопрос уже не научный, а этический.

Коммерциализация знания – ещё одна черта современности. Знание превращается в товар, интеллектуальную собственность, которую продают и покупают. Это стимулирует прикладные исследования и инновации, но создаёт и риски: дорогие лекарства из-за патентов, платные подписки на научные статьи, ориентация науки на рыночный спрос, а не на решение насущных проблем человечества [13].

В современной философии науки всё больше утверждается мысль: наука и научное знание не существуют в вакууме. Они укоренены в обществе, которое их порождает. Наука – часть культуры.

В разные эпохи знание ценили по-разному: в античности – созерцательное благо, в Новое время – инструмент власти. В разных культурах – свои эпистемологические установки: западный аналитический подход против восточного холистического подхода [14].

Политические системы влияют на науку напрямую. Тоталитарные режимы подавляют неудобные теории: вспомним лысенковщину в СССР.

Демократические режимы поощряют плюрализм и свободу исследований [10].

Экономические системы расставляют приоритеты финансирования. Знание может быть общественным благом (доступным всем) или коммерческим продуктом. Лекторский замечает: «Знание, которое было свободным и бескорыстным поиском истины, всё больше превращается в товар, производимый по заказу корпораций» [4].

Итак, производство, распространение и использование знания всегда происходят в социально-историческом контексте. Ценности общества определяют цели науки, её этические границы и то, какое знание считается значимым [15].

Таким образом, можно сделать вывод. Во-первых, ценность знания за столетия сильно изменилась: от античного созерцательного блага к новоевропейской инструментальной силе и к современному осознанию его двойственности. Знание – одновременно и благо, и риск.

Во-вторых, проблема Гетье показала: платоновского определения знания как «истинного и обоснованного мнения» недостаточно. Это стимулировало разработку новых эпистемологических концепций [3].

В-третьих, современность бросает знанию новые вызовы: коммерциализация, этическая ответственность учёных, постправда, ценностная нагруженность исследования. На всё это требуются не только научные, но и философские ответы.

В-четвёртых, наука и знание глубоко укоренены в социальном, политическом, экономическом и культурном контекстах. Понимание этой связи позволяет более осознанно относиться к роли знания в нашей жизни.

Знание остаётся одной из высших ценностей человеческой цивилизации, но его ценность сегодня требует постоянной рефлексии и защиты – от манипуляций, коммерциализации и утраты доверия. Именно философия науки и аксиология обеспечивают эту рефлексию.

Список источников

1. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1993. – С. 79–420.
2. Декарт, Р. Рассуждение о методе // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 250–296.
3. Гетье, Э. Является ли знанием истинное и обоснованное мнение? // Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. 10. – № 4. – С. 220–225.
4. Лекторский, В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: РОССПЭН, 2001. – 256 с.
5. Степин, В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
6. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – С. 63–367.
7. Бэкон, Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – С. 5–214.
8. Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – 621 с.
9. Кант, И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. – Т. 8. – М.: Чоро, 1994. – С. 13–22.
10. Микешина, Л.А. Философия науки: учебное пособие. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.
11. Кун, Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2009. – 320 с.
12. Йонас, Г. Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
13. Фуллер, С. Наука vs религия? Интеллектуальный протокол. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2005. – 450 с.
14. Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология». – М.: Праксис, 2007. – 208 с.

15. Никифоров, А.Л. Философия науки: история и методология. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – 280 с.